

ЗАНАВЕСКИ

В КОМНАТЕ У СОЛЖЕНИЦЫНА БЫЛИ НЕ СИТЦЕВЫЕ, А ШЕЛКОВЫЕ

Наталья Решетовская восстанавливает истину

Вст. кн. 8. - 1999. - 27 нояб. - 99.

Подобный ляпсус уже был 10 лет назад. И допустил его не кто-нибудь, а тогдашний главный редактор "Нового мира" Сергей Павлович Залыгин. 23 сентября 1989 года он выступал в радиопередаче "ЛИК" ("Литература. Искусство. Культура"). Случайно эту передачу услышала первая жена Александра Солженицына Наталья Алексеевна Решетовская. "У меня волосы встали дыбом, — вспоминала она позже, — когда я услышала, как Залыгин утверждал, что после ссылки у Солженицына не было места жительства, что он скитался по чужим углам".

Заблуждение Залыгина, впрочем, в какой-то степени объяснимо. Ведь это был 1989-й год: Солженицын — в Вермонте, в СССР о нем никакой информации, все ранее напечатанные его произведения — в спецхране, другие работы с Запада просачиваются с трудом и ходят в основном в Самиздате.

Но каково же было мое удивление, когда в первых числах ноября этого года я раскрыл газету "Вечерний клуб" (№ 42) и на 11-й странице, в небольшой корреспонденции Андрея Васильева "Дело об исключении. Почему 30 лет назад рязанские рабочие не стали громить дом Солженицына", прочитал: "... Войдя в комнатушку, которую снимал Солженицын (собственного жилья у него никогда не было)..."

Надо сказать, что "Вечерний клуб" этой публикацией отметил никак больше не замеченный "юбилей" — 30-летие исключения рязанскими писателями А. И. Солженицына из своих рядов. Честь вам и хвала, вы — единственное издание, где об этом вспомнили. Но зачем же искажать

факты? Достаточно было открыть автобиографическое произведение Солженицына "Бодался теленок с дубом", прочитать всего две строчки, — "... Я приехал в Рязань (вновь соединился со своей первой женой Натальей Решетовской...) ", — и уже не возникло бы "... собственного жилья у него никогда не было". Ведь доцент кафедры химии Рязанского сельхозинститута Наталья Решетовская не божевала по друзьям и знакомым. На тот момент она имела две комнаты в трехкомнатной квартире на улице Урицкого, 17 (тогда — 1-й Касимовский переулок, 12). Позже и третья комната отошла к Решетовской и Солженицыну. Сейчас на этом доме мемориальная доска.

Сам Александр Исаевич годы жизни в Рязани назвал "тихим житьем". Именно т и х и м, ведь надо было, не привлекая внимания, в обстановке строжайшей конспирации написать все, что было задумано в лагерях и ссылке. Вот как об этом у него в "Теленке..." в главе "Писатель-подпольщик": "Безопасность приходилось усилить всем образом жизни в Рязани, куда я недавно переехал, не имея вовсе никаких знакомых, приятелей, не принимать дома гостей и не ходить в гости — потому что нельзя же никому объяснить, что ни в месяц, ни в год, ни на праздники, ни в отпуск у человека не бывает свободного часа; нельзя дать вырваться из квартиры ни атому скрытому, нельзя впустить на мирничего внимательного взгляда, — жена строго выдерживала такой режим, и я это очень ценил".

А теперь представим на мгновение, каково было бы Солженицыну осуществить свои тайные замыслы,

скитаясь по чужим углам. Не подумал над этим автор материала в "Вечернем клубе", как и о том, отважился ли бы Александр Исаевич в чужой угол пригласить Александра Трифоновича Твардовского в декабре 1963 года. "В распоряжение А. Т. Твардовского предоставляется кабинет моего мужа. На письменном столе лежит толстая стопа печатных листов — рукопись романа "В круге первом", — рассказывает Наталья Решетовская в своей книге "В споре со временем". А в "Теленке..." у Солженицына есть такие строки: "В Рязани, как раз в пасхальную ночь (но А. Т. вряд ли памятовал ее) мы встретили его как могли пышно — на собственном "Москвиче".

Не парадокс ли: не имеющий, по словам автора "ВК", собственного угла Солженицын встречает Твардовского на собственном "Москвиче" и располагает в собственном кабинете?! ("Москвич" Александр Исаевич приобрел 10 декабря 1963 года на гонорары от публикации повести "Один день Ивана Денисовича", в том числе за рубежом. В 1965 году он стал владельцем еще и собственной дачи).

Еще один рязанский адрес Солженицына тоже "углом" никак не назовешь: из дома в 1-м Касимовском переулке писатель и его жена переехали в просторную трехкомнатную квартиру на первом этаже старого, но добротного дома № 1 в проезде Яблочкова. Жизнь Солженицына в этой квартире полна памятными событиями: сюда 4 ноября 1967 года приехал Мстислав Ростропович — началась большая дружба двух великих людей; здесь Александр Исаевич отметил свое 50-летие;

здесь отпраздновал серебряный юбилей совместной жизни с Натальей Алексеевной Решетовской; здесь — начало его травли властями и начало личной драмы.

По утверждению Андрея Васильева, именно в эту квартиру явились рязанские рабочие, чтобы разгромить дом Солженицына, "... и, увидев скучную, если не сказать нищую, обстановку (простые кровать, письменный стол и ситцевые занавески на окнах) они раскрыли рты. Потом, придя в себя, тихо удалились".

Не рабочие, а читатели "Вечернего клуба", вероятно, раскрыли рты после этих строк. Откуда такая скудность обстановки? — подумали они. На машину и дачу хватило у писателя гонораров, а вот на более-менее приличную мебель — не хватило? И 320-рублевой (по тем временам солидно) доцентовской зарплаты Решетовской тоже не хватило на хорошие занавески?

Сразу после выхода публикации "Вечернего клуба" я приехал к Наталье Алексеевне, прочитал ей этот материал (сама она не может, почти потеряла зрение), и пытался расспросить ее о самом факте явления рязанских рабочих-погромщиков на квартиру Солженицына. Ничего подобного при своей изумительной памяти она припомнить не смогла. Если бы был такой факт, то она его обязательно отразила бы в своих подробных и строго документальных мемуарах. Да и сам Александр Исаевич едва ли стал бы о нем умалчивать. А уж что касается журналистской братии... Так что утку пустил автор "ВК", сенсацию из пальца высосал.

— Давайте предположим. Если бы погромщики все-таки явились на

Наталья Решетовская и Александр Солженицын в своей рязанской квартире в доме №1 по проезду Яблочкова.

Фото из архива Н. А. РЕШЕТОВСКОЙ

вашу квартиру, что бы они увидели? — спросил я Наталью Алексеевну.

— Первое — это рояль в центре большой проходной комнаты. Муж любил работать под мою игру. Этот рояль и сейчас стоит в моей московской квартире.

— А что еще?

— Диванчик у стены, письменный стол и конторка, за которой Александр Исаевич работал стоя. На стенах — полки с книгами, картины. И занавески были шелковые, а не ситцевые. (Чувствую, как этот момент в корреспонденции Андрея Васильева оскорбил хозяйку — Н.Л.). И в следующей комнате, кабинете Александра Исаевича, обстановка была хотя и скромная, но отнюдь не "нищая".

Вот вам информация из первоисточника. И еще одно уточнение. Рас-

сказывая о заседании рязанской писательской организации, на котором Солженицына исключали из СП, журналист сообщает: "... Из 7 членов отделения присутствовало 6 (одного пришлось для кворума спешно привезти из больницы). ..." А вот как было на самом деле — цитирую Солженицына: "... Присутствовали из 7 членов Рязанской писательской организации — шестеро (секретарь Рязанского отделения Эрнст Сафонов лег на операцию). ..." Откуда Андрей Васильев взял, что Сафонов привезли из больницы — непонятно. От себя добавлю: Эрнст Иванович Сафонов специально, чтобы не быть причастным к позорному судилищу, лег на операцию и вырезал здоровый аппендицит. Этот факт известен и сенсацией не является.

Николай ЛЕДОВСКИХ